

Людмила Глухова

Чтение немецкой литературы в России

Исторически сложилось так, что на протяжении нескольких столетий Россия и Германия в своем развитии оказывали сильное влияние друг на друга, и, прежде всего, это относится к культурной жизни двух стран. Передовые философские взгляды, достижения литературы, музыки, изобразительного искусства Германии всегда высоко ценились российской общественностью, воздействовали на умы и творчество интеллигенции. Одним из важнейших факторов взаимовлияния и взаимообогащения национальных культур является художественная литература. Естественно, национальные литературы никогда не развивались в одиночку и в изоляции друг от друга, но по отношению к немецкой и русской, это особенно очевидно. Отношение к немецкой литературе и у литературной критики, и у самих читателей в России в разные исторические периоды было неоднозначным и во многом зависело от политической обстановки в стране. Конечно, в первую очередь, эти обстоятельства влияли на то, какую художественную литературу переводили в России, и что из переведенного рекомендовали читать россиянам.

Начало XX века было ознаменовано фактом теснейшего взаимодействия наших стран в области книжной культуры. В 1901 г. молодой сотрудник Императорской Библиотеки Академии Наук Эдуард Вольтер был командирован в Германию и Австро-Венгрию для изучения «библиотекоустройства и книговедения». В его Отчете о поездке¹ содержится высокая оценка постановки работы в обеих странах и звучит глубокая заинтересованность в том, чтобы библиотечная практика России не уступала европейским стандартам. Для нас особенно важно, что знакомство с «Адресными книгами немецких библиотек» (*Adressbuch der Deutschen Bibliotheken und Adressbuch der Bibliotheken der Oesterreich-ungarischen Monarchie*) привело его к мысли о необходимости создания аналогичной «Адресной книги библиотек Российской Империи». Уже в 1902–1903 гг. он разослал анкеты, составленные по образцу своих зарубежных коллег, и собрал богатейший материал о состоянии российских библиотек и читательских интересах жителей Российской Империи. В результате у Вольтера скопился материал, пришедший как из библиотек крупнейших университетов России, так и библиотек, открытых в небольших сельских поселениях. Хранящиеся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН материалы позволяют говорить о том, что

¹ *Вольтер Э. А.* Отчет о поездке по библиотекам Австрии и Германии осенью 1901 года. СПб., 1903.

«до Октябрьской революции Россия была страной чрезвычайно низкой грамотности. <...> И при этом неграмотная Россия была страной читающей».²

В это время на территории России существовало большое количество библиотек различных типов и видов, книга и чтение были достаточно широко распространены во всех слоях общества. Известный русский деятель культуры, ученый-книговед Николай Александрович Рубакин (1862–1946) за пять лет до окончания XIX века говорил: «на смену, и может быть на поддержку читателям из культурных классов идут целые толпы читателей из народа»³, крестьяне, фабричные рабочие, солдаты, торговцы, мещане. Николаем Рубакиным был составлен многотомный библиографический указатель «Среди книг», где он отмечал: «Немецкая литература – одна из богатейших, если только не самая богатая литература мира».⁴ Указатель служил справочным пособием для систематизации и комплектования библиотек, и включал свыше 300 переводов произведений немецкоязычных авторов.

В библиотечных каталогах тех лет была достаточно широко представлена немецкая литература: это были книги Иоганна Вольфганга фон Гёте, Гейнриха Гейне, Эрнста Теодора Амадея Гофмана, Готхольда Эфраима Лессинга, Фридриха Шиллера и других великих писателей. Даже в небольших городах, в глубокой провинции, библиотеки имели собрания сочинений немецких классиков. Это были добротные издания, снабженные биографией и комментариями. Нередко в библиотеках встречались отдельные издания популярных биографий этих писателей, и даже издания их произведений на языке оригинала. Не только в каталогах общественных библиотек Санкт-Петербурга, но и губернских, и даже уездных городах русской провинции имелись не только книги немецкоязычных авторов на языке оригинала, но и романы англоязычных авторов, например, Вальтера Скотта и Фрэнсиса Брет Гарта, в переводах на немецкий язык.

Читатели знали и любили произведения немецких классиков, знакомясь с ними по изданиям гениальных русских переводчиков, и не всегда отдавали себе отчет в том, кому именно принадлежит текст. В каждой библиотеке имелись и собрания сочинений, и сборники избранных произведений, и отдельные произведения Василия Жуковского, Михаила Лермонтова, Алексея Толстого и др. Среди произведений Жуковского, например, непременно публиковались такие шедевры, как «Лесной царь» и «Рыбак», «Кубок», «Поликратов перстень», «Ивиковы журавли» и др. Фридриха Шиллера. Ни один из сборников Михаила Лермонтова не выходил без стихотворений «На севере диком...», где только из

² Зоркая Н. М. На рубеже столетий: У истоков массового искусства в России 1900–1910 годов. М., 1976. С. 9.

³ Рубакин Н. А. Этюды о русской читающей публике: Факты, цифры и наблюдения. СПб, 1895. С. 77–95.

⁴ Рубакин Н. А. Среди книг: Опыт обзора русских книжных богатств в связи с историей научно-философских и литературно-общественных идей: Справочное пособие для самообразования и для систематизации и комплектования общеобразовательных библиотек, а также книжных магазинов. Т. 1: Языкознание, литература, искусство, публицистика, этика в связи с их историей. М., 1911. С. 102.

комментария можно было узнать, что это – вольный перевод стихотворения Генриха Гейне «Ein Fichtenbaum steht einsam ...».

Наряду с классиками библиотеки предлагали своим читателям романы «О чем пела ласточка» и «Один в поле не воин» Фридрих Шпильгагена, «Уарду» и «Дочь египетского царя» Георга Эберса, книги Германа Зудермана, Герхарта Гауптмана, Евгении Марлитт, Эльзы Вернер, исторические романы Грегора Самарова. Это были добротные издания, снабженные биографией и комментариями, и библиотеки стремились рекомендовать своим читателям лучшие книги в лучших переводах. Нам известны случаи, когда библиотекари оказывались даже большими пуристами, чем самые строгие литературные критики. Так, в 1911 г. работник библиотеки Лиговского Народного дома в Санкт-Петербурге отмечает возросший интерес читателей к «новинкам по беллетристике». Однако, по ее мнению, к этому спросу надо относиться с большой осторожностью и отвечать отказом на требования трилогии Генриха Манна (Диана, Минерва, Венера) и «других подобных произведений, хотя и имеющих иногда художественную ценность, но совершенно неприемлемых по откровенной циничности содержания».⁵ По мнению библиотекаря, эти расхваленные критиками не только в русских, но и в иностранных журналах «романы до такой степени откровенно порнографичны, что превосходят все, что только можно себе представить в этом роде. С одной стороны, можно, казалось бы, считать, что взрослый читатель имеет право сам за себя решать вопрос, что ему читать; а с другой стороны – Библиотека не может и не должна быть равнодушною передатчицею книг, которые признаются ею не желательными».⁶

Большое место немецкоязычные авторы занимали в литературе, адресованной детям. В домашних библиотеках обязательно присутствовали сказки немецких писателей. Прочно войдя в круг чтения маленьких россиян в начале XIX столетия, сказки немецких писателей остались там, очевидно, навсегда. «Народные немецкие сказки, – пишет в 1908 г. составитель критико-библиографического указателя «О литературе для детей» – очень ценный художественно-исторический материал, с обилием красивых поэтических образов».⁷ Сказки братьев Гримм, например, для русской читающей публики в начале XX века были едва ли не предпочтительнее, чем сказки Шарля Перро и Ганса Христиана Андерсена. В библиотеках были разные издания сказок братьев Гримм, некоторые из них включали около 200 сказок и легенд, с иллюстрациями и биографическими сведениями.

Волшебные сказки «Маленький Мук», «Карлик Нос», «Калиф-Аист» Вильгельма Гауфа, «Щелкунчик или Мышиный король» Э. Т. А. Гофмана, «Волшебные сказки» Иоганна Музеуса, и «Роберт Дьявол» в пересказах Густава Шваба были в числе самых любимых у русских детей, они вошли не только в детское,

⁵ Пошехонова А. Из жизни одной бесплатной библиотеки // Библиотекарь. 1913. № 3. С. 178.

⁶ Там же.

⁷ О детских книгах: Критико-библиографический указатель книг, вышедших до 1 января 1907 года, рекомендуемых для чтения детям в возрасте от 7 до 16 лет / А. Н. Анненская и др. (сост.) М., 1908. С. 143.

но и в народное чтение. По неясной причине «Рейнике-Лис» Гёте, хотя и издавался часто в добротных переводах, с прекрасными иллюстрациями Вильгельма Каульбаха, был на рубеже веков менее популярен.

Критика немецкие сказки не любила и пыталась повлиять на вкусы читающей публики: с их точки зрения, они были весьма уязвимы и не имели никакого здравого смысла. «Сказка про Щелкуна и мышиною царя», – писал еще в конце XIX в. обозреватель педагогического листка «Воспитание и обучение», – написана известным фантастом и мечтателем Гофманом. Было время, от этой сказки приходил в восторг Белинский – до того, что желал, чтобы каждое дитя выучило ее наизусть. Но много воды утекло с тех пор: сам Белинский, в конце своей деятельности, разочаровался в Гофмане и, как язвы, советовал избегать давать его детям. В сказке Гофмана чудесное – синоним бессмыслия». ⁸ Сказки Вильгельма Гауфа – «нелепость на нелепости, не имеющая никаких оправданий. <...> Сколько в этих сказках мертвецов, убийств и убийств отвратительных. <...> Здесь волшебное слово само себе цель. Такие сказки не имеют никакого здравого смысла. <...> В истории немецкой литературы, может быть, сказки Музеуса и имеют некоторое значение, и знакомство с одною, двумя из них не лишено интереса и для нас; но переводить эти сказки сполна и <...> рекомендовать их для детского чтения <...>, – это совершенно непонятно». ⁹

Первая мировая война внесла существенное изменение в отношение к немецкой литературе и Германии. Общественные и народные библиотеки должны были приспособлять свою деятельность к нуждам и обстоятельствам времени и держать читателя в курсе того, что происходит на театре войны: в читальнях иметь достаточное количество газет, на карте отмечать флажками положение армий, вывешивать на стене последние новости, рекомендательные списки, выставлять книги, проводить «библиотечные чтения» для взрослых и «рассказывания» для детей.

Прямое участие библиотек и библиотекарей в обслуживании специальных нужд военного времени виделось и в организации снабжения раненых солдат, книгами для чтения. По мнению Комиссии Библиотековедения Русского Библиографического Общества при Императорском Московском Университете, библиотекари должны были стать самыми желательными сотрудниками во всех организациях, уже приступивших к собиранию пожертвований деньгами и книгами, их сортировке, закупке и рассылке книг; а там, где еще не велась такая работа, они могли бы взять на себя инициативу по ее организации. Библиотекам предлагалось выдавать для чтения раненым, находящимся в лазаретах, свои книги, создать подвижные библиотечки из специально для этого закупленных книг. Эта идея нашла отклик в обществе.

Начиная с 1914 г. произведения немецких авторов почти не издавались. Это характерно даже для издания сказок братьев Grimm, Музеуса, Гауфа. На выставках в библиотеках и в рекомендательных списках в начале Первой мировой вой-

⁸ Ив. Ф. Критика. О сказках // Воспитание и обучение. Педагогический листок за 1886 год. № 1. С. 17.

⁹ Там же.

ны немецкая переводная литература сводилась к книгам Карла Клейна «Под гром пушек» и «В тяжелую годину» и немецкоязычному роману австрийской писательницы Берты Зутнер «Долой оружие!»

Изменения коснулись и печатающихся в журнале «Библиотекарь» обзоров в рубрике «Наша художественная литература». «В первое время после объявления войны на литературном рынке наступило полное затишье, и спрос, тоже весьма незначительный, превышал предложение», – пишет Елена Колтоновская в обзоре, отражающем книжную и журнальную продукцию конца 1914 – начала 1915 гг. – Постепенно, однако, жизнь вошла в свою колею, появились и книги, и наплыв их продолжает возрастать».¹⁰ Автор отмечает, что «переводная литература гораздо менее богата новинками» и останавливается на романах француза Эмиля Золя «Разгром», «одного из зачинателей новой бельгийской литературы» Камиля Лемонье «На поле брани», англичанина Герберта Уэллса «Освобожденный мир».¹¹ Ни одной немецкой книги в обзор не включено.

В октябре 1917 г. руководящая роль перешла к Партии большевиков, формулируется цель строительства «нового общества». Идеологический образ литературной политики, проводимой большевиками, был достаточно четко сформулирован в статье, опубликованной через полгода после заключения Версальского мирного договора: «Уничтожена власть капитала над печатью. Нет больше „свободы печати“, как называлась в капиталистическом обществе „свобода“ – подкуп печати капиталом. Печать получила действительную свободу от капитала, она стала государственной, стала выражением воли государства трудящихся, воли рабочих и крестьян. Естественно, что капитал, лишившись своих экономических и политических позиций в России, должен был быть вытеснен и из области интеллектуального производства, из издательства книг и брошюр. Государство берет в свои руки все воспитание трудящихся, рабоче-крестьянская власть берет на себя дело их политического просвещения, она берет на себя и удовлетворение их духовных потребностей. Национализируется печать, национализируется издательское дело, национализируются театры».¹²

Художественной литературе отводилась «значительная и ответственная роль в деле создания нового общественного строя, свободного от эксплуатации и угнетения». Она должна «ста[ть] мощным оружием в борьбе рабочего класса против остатков капитализма и буржуазных отношений <...> в стране. Признавая воспитательное значение литературы как орудия воздействия на сознание многомиллионных масс трудящихся»¹³, «бойцы культурного фронта» вслед за руководителями государства искренне считали, что нет беспартийной литературы

¹⁰ Колтоновская Е. А. Наша художественная литература // Библиотекарь. 1915. Вып. I. С. 25–26.

¹¹ Там же. С. 26.

¹² Быстрянский В. А. Государственное Издательство и его задачи // Книга и революция. 1920. № 1. С. 2.

¹³ Поляк Л. М., Тагер Е. Б. Современная литература: Учебник для 10-го класса средней школы. Изд. 2-е. М., 1935. С. 92.

и беспартийных литераторов, что «право на жизнь» имеют только «социально близкие» – единомышленники, разделяющие марксистскую идеологию.¹⁴

Роль немецкой литературы в начале двадцатых годов оценивалась достаточно высоко. «Русские читатели нуждаются в немецкой книге – пишет один из корреспондентов журнала «Красный библиотекарь», – частично она переводится, и эту работу следовало бы усилить, выбрать есть из чего. Но вместе с тем необходимо позаботиться об организации планомерного приобретения немецкой книги»¹⁵, ее исчерпывающего поступления.

Для этих лет характерно негативное отношение к издательской политике революционной России. «Не интересы культуры, а прибыль, потворство улице, угождение рыночному спросу, который был спросом господствующих классов буржуа, – вот что определяло работу издательств. Известно, до какой глубины падения довело господство капитала периодическую прессу Запада».¹⁶ Сейчас трудно судить о том, что стояло за этими словами – искренняя убежденность в своей правоте или конъюнктура?

Для нас интересно то, что резкая критика в адрес издательств и писателей Запада иллюстрируются примерами, взятыми из литературной жизни и издательской политики Германии. Автор статьи в журнале «Книга и революция» использует термин «система развращения читателей» якобы характеризующий издательскую политику этой страны: развращающую литературу различного рода: порнографическую, сыщичкую и разбойничью издают «в Германии 52 фирмы; она продается в 800 книжных магазинах, в писчебумажных, табачных лавочках и при посредстве 30-ти тысяч книгонош, проникающих во все закоулки».¹⁷

Общественность Германии, как утверждает автор, пробовала бороться «с этим злом». Такие попытки были предприняты в Дортмунде в 1909 г. на съезде Общества народного образования, где констатировали заполнение германских книжных рынков «сенсационной и бульварной литературой, оказывающей губительное влияние на литературные вкусы среднего читателя, до учащихся включительно. В конце того же года в Германии основалось женское общество для борьбы с грязью и развратом, распространяемыми посредством литературы. В Гамбурге с той же целью организовалось „Немецкое общество памяти писателей“, культурные общества в Берлине, Мюнхене, Кельне, Лейпциге, Висбадене».¹⁸ Однако, по мнению автора, при буржуазном строе эффективная борьба с вредными книгами невозможна. «Погоня за наживой ведет к понижению спроса на серьезную книгу», «современный человек более и более отвращается от се-

¹⁴ В частности, к «единомышленникам» в 1920-е годы относили Ф. Шиллера. Его пьесы «Разбойники», «Коварство и любовь», «Дон Карлос» ставили полковые театры в период гражданской войны.

¹⁵ Эй-ц А. Выставка немецкой книги // Красный библиотекарь. 1923. № 2–3. С. 138.

¹⁶ Быстрянский В. А. Государственное Издательство и его задачи. С. 2.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

рьезного чтения к легкому <...> книги теперь читают только профессора, манияки, отшельники и находящиеся в одиночном заключении».¹⁹

Сеть библиотек, возникших в 1920-е годы, большей частью комплектовалась за счет книг, реквизированных в помещичьих усадьбах и домах интеллигенции.²⁰ Все они были объявлены народным достоянием, но прежде чем допустить народ до пользования тем, что ему теперь принадлежало, следовало тщательно вычистить оттуда все, что народу было вредно читать.

В Советской России проблема решалась просто: руководители библиотечного дела подготовили «Руководящий каталог по изъятию всех видов литературы из библиотек, читален и книжного рынка», а профессиональный журнал «Красный библиотекарь» начинает печатать «Примерные списки книг к инструкции по очистке библиотек».²¹ В первом же списке немецкая литература заняла вполне «почетное» место. Изъятию подлежали «уголовные романы» Георга Борна; несколько сборников сказок братьев Гримм, изданных в Берлине; несколько произведений Франца Гофмана, в том числе «Занесенные снегом» и «На Дальнем Севере»; изданные в Германии «9 ноября» и «Туннель» Бернхарда Келлермана и «Сила и человек» Генриха Манна, все сочинения Грегора Самарова, допустимыми считались только произведения немецкого писателя Макса Кретцера «Обманутая», «Золотой мешок» и др.²²

Включение в Списки книг перечисленных выше авторов служило сигналом для издательств – в 1920-е годы они печатались крайне редко или не печатались вообще, и в библиотеках их практически не было. Изданные ранее «плохие» книги библиотечные комиссии изымали в процессе чисток и, доказывая свою правоту, всячески унижали читателей за любовь к литературе такого рода. «Красный библиотекарь» называет их «буржуазной полуинтеллигенцией» и «городским мещанством», «обывателями».

Авторитетный для своего времени идеолог библиотечного дела Надежда Фридьева пишет – Они <...> живут тенью прошлого <...> читают почти исключительно беллетристику, – и беллетристику с особым уклоном. В книгах ищут любовь во всех ее разновидностях, любят старые исторические романы, высокопоставленных, сиятельных героев (графов, князей), обстановочность, безыдейность и мистику».²³ Надо ли говорить, что немецкая литература, переведенная

¹⁹ Там же. С. 3.

²⁰ Меры против расхищения художественных ценностей [Циркуляр № 79 ВЧК, 5 нояб. 1918 г.] // Сборник декретов и постановлений Рабочего и крестьянского правительства по народному образованию. Вып. 1-й. М., 1919. С. 129.

²¹ Инструкция по пересмотру книжного состава библиотек // Красный библиотекарь. 1924. № 1 (4). С. 135–140.

²² В 1924 г. в Оренбурге вышел «Руководящий каталог по изъятию всех видов литературы из библиотек, читален и книжного рынка К.С.С.Р.», изданный Кирглавополитпросветом (Киргизское Главное Политикопросветительное учреждение), в него вошли те же книги.

²³ Фридьева Н. Я. Современные запросы городского читателя и активность библиотеки (наблюдения и опыт городской районной библиотеки) // Красный библиотекарь. 1924. № 1. С. 52.

в начале века и кое-где сохранившаяся в библиотеках, вполне подходит под категорию книг, которые необходимо изъять?

«Другое дело – рабочая молодежь в возрасте 15–20 лет – продолжает Фридьева. Они спрашивают «произведения Горького, Войнич, „Бессознательным путем“ Бессалько <...> „Спартак“ Джованьоли <...> Мюлен, все вещи Джека Лондона, романы Синклера, Келлермана, Золя, Гюго вот, что читает рабочая молодежь из беллетристики».²⁴

В двадцатые годы продолжают печататься большими тиражами так называемые экспрессионисты Артур Шницлер, Леонгард Франк и другие. Взамен популярных романов Фридриха Шпильгагена и Грегора Самарова, любовных романов Евгении Марлитт и Эльзы Вернер в эти годы рабочим, крестьянам и красноармейцам предлагались Эрих Гризар, Анри Мюлен, Эгон Эрвин Киш, Теодор Герцка, Вильгельм Либкнехт, Макс Гёльц, Венцель Голек, Антон Линднер и др., чьи имена были малоизвестны русской публике. Чаше других в двадцатые годы публиковались Макс Бартель («За решеткой», «Машина смерти», «Площадь народной мести», «Завоюем мир»); Эрнст Толлер («Человек-масса», «Эуген несчастный», «Освобожденный Вотан»); рассказы и новеллы Карла Штеренгейма; романы Франца Юнга («Пролетарии», «Красная неделя», «Завоевание машин», «Рабочий поселок», «История одной фабрики»).

Мотивируя столь пристальное внимание к творчеству именно этих писателей литературные критики находят такие аргументы: «Искусство Юнга родилось в бурную эпоху глубочайших социальных потрясений <...> оно было столь современным и столь тесно связанным с конкретным революционным делом, что насквозь пропиталось требованиями момента»; «Революционная борьба немецкого пролетариата нашла своих певцов и изобразителей. Среди них имя Макса Бертеля – одно из самых примечательных».²⁵

Примечательно, что после 1925 года эти авторы издавались значительно реже, а Франца Юнга вообще перестали переводить и печатать.

Журналы «Бюллетень книги», «Книга и революция», «Книгоноша», «Печать и революция», «Красный библиотекарь» публиковали рецензии, которые могли служить сигналом для изъятия книг. Например, крайне отрицательной была оценка книги вестфальского рабочего Эриха Гризара «Бьется сердце земли»: «С большим разочарованием прочитывается книга. Идеология Гризара – бесформенна до крайности. Мысли удручают своей шаблонностью. Язык – бесцветен. <...> Пишет обо всем с одинаковой слащавостью, расплывчато, серо. <...> Какие-то бесцветные излияния. <...> Проблему классовой борьбы Гризар одевает в костюм пустоватой романтики. Он топит ее в напыщенной ходульной фразеологии. <...> Книга не интересная и вовсе не нуждавшаяся в переводе на русский язык».²⁶ Там же помещена краткая рецензия на роман Теодора Герцка «Заброшенный в будущее»: «Профессор [имеется в виду сам Т. Герцка. – Л. Г.] явно тяготеет к буржуазным общественным формам, у него – чрезвычайно бед-

²⁴ Там же.

²⁵ Гаген И. Из современной немецкой литературы // Книгоноша. 1926. № 46–47. С. 3–4.

²⁶ И. Г. Эрих Гризар «Бьется сердце земли» // Книгоноша. 1925. № 39–40. С. 21.

ная фантазия и очень скверный язык. Все эти обстоятельства <...> делают его [роман. – Л. Г.] неинтересным и ненужным. Роман скучен и читается с натугой. Не следовало издавать этой безнадежно устаревшей и бедной книги». ²⁷

В 1929 г. вышло Постановление ЦК ВКП(б) «Об улучшении библиотечной работы», в котором было предложено «провести просмотр книжного состава библиотек и очистить его от идеологически вредной, устарелой и неподходящей к данному типу библиотек литературы». В некоторых библиотеках под изъятие попали произведения Герхарта Гауптмана, Э. Т. А. Гофмана, Генриха Манна, из детских книг – «Ученый спор» Вильгельма Буша; не рекомендовалось закупать его стихи «Воронье гнездо» и «Муха». Помимо изъятия, часть книг выделялась в особые фонды, из которых книги выдавались только по усмотрению библиотекаря. Вся литература, выделенная в эти фонды, исключалась из общих каталогов, и читатель не знал о ее существовании в библиотеке.

В двадцатые годы наиболее пристальное внимание уделялось комплектованию фондов библиотек детской литературой, которая испытывала резкий подъем. В течение 1923 г. было выпущено более 500 книг для детей, которые по своему качеству и степени пригодности для детей были весьма разнородны. ²⁸

На страницах профессиональной периодики велись дискуссии о воспитательном значении сказок. Резко негативное отношение к ним характерно для Надежды Крупской, которая отмечала, что в сказках действительность спутывается с фантазией, много недоговоренности и намеков, и это «является самой ядовитой и вредной пищей для детского ума». ²⁹ «Она подчеркивала, что преподносить пролетарскому ребенку все старые суеверия, всю старую мораль, пригодную для буржуазного строя, не только смешно, но прямо преступно.»

В центре внимания оказались сказки братьев Grimm. Вот несколько примеров из библиотечной прессы: «Сказка „Столик, накройся“ <...> полна мечтами о мещанском благополучии. Ничего умного, нового и свежего маленьким читателям она не дает – приучит их только мечтать о волшебном столе или осле. Рекомендовать подобные сказки мы не можем». «„Волк и семеро козлят“ – жестокая, глупая сказка о волке <...> такие сказки не могут быть рекомендуемы». «„Красную шапочку“ – безусловно надо выкинуть из обихода детей, так как она полна сентиментальности, глупости и жестокости». ³⁰ Составитель раздела детских книг «Указателя книг для рабочих библиотек» в предисловии к этой части разъясняет свою позицию: «Сказка родная сестра религии. Теперь, когда мы умеем научно объяснять многие и многие непонятные ранее явления природы, теперь не нужна нам и сказка, которая затуманивает сознание ребенка, приучает его смотреть не в корень вещей, а прикрываться сентиментальным покровом духов, чертей, богов и др. сказочных существ. <...> Сказки со своим материалом

²⁷ И. Г. Теодор Герцка «Заброшенный в будущее» // Там же.

²⁸ Желобовский И. А. Работа над детской книгой // Красный библиотекарь. 1924. № 10–11. С. 188–190.

²⁹ Крупская Н. К. Об учебнике и детской книге для I ступени: Пед. соч. В 6 т. Т. 3. М., 1979. С. 81.

³⁰ Херсонская Н. О сказках: Критико-библиографический обзор // Красный библиотекарь. 1923. N 2–3. С. 147.

могут задержать <...> правильное миропонимание и породить смуту в представлениях ребенка. <...> Не менее вредны эти сказки и с другой – психологической стороны: они порождают страх, а страх, мы знаем, порождает в свою очередь раболепство, преклонение перед непонятным. <...> Довольно с нас пережитков рабской психологии. Теперь нам надо воспитывать борцов, исследователей и наблюдателей природы. И здесь сказка нам мешает, и с этой стороны сказка нам не нужна. <...> еще одно обстоятельство, которое мы должны учесть, разбирая сказку – это те наслоения в сказке, которое дало классовое неравенство. <...> Наш ребенок живет в совершенно другой обстановке и других условиях, и ему прекрасные цари, царицы, царские дочки и сынки, наливные яблочки и поющие дудочки не нужны. <...> *нашим детям нужны «правдивые» сказки.* <...> Мы придерживались при выборе материала, главным образом, следующих принципов: выбирать сказки, в которых отсутствовал бы элемент жестокости, мистики, стремления к мещанскому благополучию и чудесного, далекого от жизни волшебства. Таким образом, в наших списках нет ни сказок Гримма [так в тексте. – Л. Г.], которые являются прямо таки апофеозом мещанства, ни многих сказок Андерсена, проникнутых мистикой, ни французских сказок Перро, переполненных ненужными жестокостями, ни красивых, но слишком религиозных сказок и сказаний Лагерлёф, ни других подобных этим». ³¹ «Подобными этим» оказались сказки Музеуса, Гауфа, Гёте, Гофмана, Шваба, те самые, на чтении которых выросло не одно поколение русских детей. Сказки этих авторов перестали издаваться и по существу ушли из детского чтения.

Редким исключением из этого правила служит сказка о «Бароне Мюнхгаузене». В 1923 г. в издательстве «Новая Москва» была опубликована сказка Э.Д. Мунда (псевдоним Эдмунда фон Похгаммера) «Путешествия и приключения барона Мюнхгаузена, рассказанные им в кругу своих друзей». Книга получила положительную рецензию в журнале «Красный библиотекарь», на тех же самых страницах, где ругали сказки братьев Гримм: «Герой этой книги – ротмистр ганноверской и русской службы И. Мюнхгаузен, говорилось в рецензии, – известен всему миру и его имя стало нарицательным для людей, выдающих плоды своей досужей фантазии за действительность. До сего времени на русском языке эта книга издавалась лубочно и аляповато. В новом издании эта книга, благодаря хорошему переводу и полному собранию приключений, приобретает литературный интерес». ³² Может быть, эта книга и получила бы известность у русских читателей, но в 1923 г. в издательстве «Всемирная литература» вышли «Удивительные приключения, путешествия и военные подвиги барона Мюнхгаузена» – пересказ для детей Корнея Чуковского произведения Рудольфа Эриха Распе на английском языке. Авторитет Чуковского в сочетании с действительно удачным вариантом переделки для детей сразу же стал каноническим, успеху способствовали и великолепные иллюстрации Гюстава Доре. В другом перево-

³¹ Указатель книг для рабочих библиотек: С краткими пояснениями содержания каждой книги/С. Анциферов и др. (сост.). М., 1924. С. 375.

³² Свод рецензий//Красный библиотекарь. 1923. № 2–3. С. 34.

де (в обработке Ильи Ренца) книга Распе появилась лишь однажды в 1927 г. в издательстве «Библиотека Огонька» и в библиотеках встречалась редко.

Кроме Распе, немецкая литературная сказка в двадцатые годы была представлена только одним именем – творчеством Герминии цур Мюлен. Ее сказки («Батрак»; «Что узнал Петя»; Воробей путешественник и розовый куст» (1922); «Почему?» (1923); «Цветы королевского сада»; «Про храброго воробья и его товарищей»; «Про негритенка и его собаку» (1924), с точки зрения составителей «Указателя», новы по своему содержанию. Они рисуют, главным образом, «все те недоумения и недоразумения, которые получаются из тех классовых различий, в которых живет капиталистическое общество. Неравенство, эксплуатация, несправедливость – вот основной мотив сказок. По содержанию это все очень интересно, но, к сожалению, выражено это уже очень не художественно. <...> Может быть тут вина переводчиков, может быть самой составительницы, но слог и стиль сказок труден детям. <...> По вопросам, затронутым в сказках их надо рекомендовать. Но, конечно особенную ценность они имеют в капиталистических странах, там это определенно агитационный материал. Для наших малюток он немного устарел, но все же имеет историческое значение. Работать с этими сказками – необходимо».³³

В двадцатые годы творчество Мюлен было представлено и романом «Спартак-овцы». Впервые опубликованный в 1922 г., он настойчиво рекомендовался для пропаганды в молодежной аудитории. «Сюжет взят из жизни современной Германии. Описывается образование и рост революционного кружка спартаковской молодежи. <...> Книга, безусловно, создает у читателя революционное настроение; однако, это настроение будет чисто индивидуалистическим и „интеллигентским“».³⁴

В том же ряду стоит повесть для детей и юношества «История одной работницы» Аделаиды Попп, сборник рассказов «Маленькие спартак-овцы» Эрнеста Гарда, «Юность в кандалах» К. Кунарта, «Губерт в стране чудес» Марии Остен.

В тридцатые годы эта литература навсегда ушла из чтения русских детей. Если она и выходила в свет, то получала отпор рецензентов. Так, говоря о повести К. Кунарта, отмечалось, что для школьной библиотеки она не пригодна, слишком сухо написана, перегружена цифрами, и в ней нет ярких и живых образов. В то же время подчеркивалось, что в немецкой антифашистской литературе есть и достойные произведения, которые учащиеся будут читать с большим интересом, например, Курта Гаузнера «В застенках Гитлера».

Во второй половине 1932 г. выходит ряд постановлений, направленных «против извращений в чистке библиотечных фондов». В постановлении Коллегии Наркомпроса отмечалось, что в организации и ходе просмотра книжного фонда библиотек отделами народного образования и библиотеками допущен ряд грубейших ошибок и извращений.³⁵ Одной из таких ошибок было бездумное изъ-

³³ *Анциферов С. и др. (сост.). Указатель книг для рабочих библиотек. С. 387–388.*

³⁴ *Рецензии. Художественная литература//Бюллетень книги. 1922. № 7–8. С. 91.*

³⁵ *Против извращений в чистке библиотечных фондов//Красный библиотекарь. 1932. № 8–9. С. 6.*

тие иностранной литературы, например, всех без исключения книг автора, тогда как удалены должны были быть произведения плохо переведенные и т. д.

В тридцатые годы работа в библиотеках сменила направление: от аспекта, «что не давать», перешли к определению того, «что надо рекомендовать». Начинают переиздавать собрания сочинений классиков немецкой литературы Гейне, Гёте, Шиллера. В эти годы выходит большое количество книг и статей филологов, литературных критиков, журналистов о творчестве этих авторов, в библиотеках регулярно проводились мероприятия (выставки и литературные вечера), посвященные пропаганде их творчества. Так, например, в 1929 г. при Госиздате была образована особая редакционная комиссия в составе Анатолия Луначарского, Михаила Розанова и Льва Каменева для подготовки собрания сочинений Гёте в 12-ти томах, куда должны были войти основные художественные и автобиографические произведения. Окончательный объем собрания сочинений составил 13 томов. Оно было завершено лишь в 1948 г., значительно позднее намеченного срока, так как в 1941–1945 гг. издание было временно приостановлено. В тридцатые годы в новых переводах выходят сказки Гофмана «Мастер Мартин-бочар и его подмастерья» и «Щелкунчик и мышиный король» с прекрасными иллюстрациями Константина Рудакова; с 1933 по 1937 гг. неоднократно издавались новые переводы Гейне, а в 1935 г. в издательстве «Academia» начинается выходить 12-томное собрание сочинений поэта под ред. Наума Берковского, которое не утратило свою художественную и научную значимость до сих пор. С 1936 г. в этом же издательстве начат выпуск 8-томного собрания сочинений Шиллера, издание которого так же прерывалось в годы войны.

Из авторов, получивших признание русской читающей публики в начале XX века, чаще других издавались и, следовательно, попадали в библиотеки, Генрих Манн, Бернгард Келлерман, Герхард Гауптман, некоторое время продолжают печататься Леонгард Франк, Якоб Вассерман, Макс Бартель («За решеткой»).

Наиболее популярными были произведения Бернгард Келлермана. Его много издавали, в разных издательствах и переводах, однако отношение к его творчеству литературных критиков было противоречивым. С одной стороны, Келлерман попал в число наиболее читаемых зарубежных авторов, с другой, это не мешало руководству отдать приказ об изъятии романов «Туннель» и «9 ноября» из всех библиотек, обслуживающих массового читателя.

В рецензии на наиболее популярный роман «Туннель» звучит следующая оценка: «В романе резко подчеркивается социальная проблема классовой борьбы и эксплуатации труда капиталом. <...> Фабула интересна. Написана с большим литературным талантом. <...> напряженность действия, общий широкий захват сохраняет за романом право на внимание, несмотря на его несколько слащавую романтику и художественные промахи».³⁶ Говоря о романе «9 ноября» отмечается, что он полезен, так как изображает Германскую революцию 1918 г., «картины разложения буржуазного общества под влиянием войны». Однако «форма изложения затрудняет чтение книги». Рецензенты считают, что полезнее познакомить массового читателя с некоторыми отрывками, но вместе с тем,

³⁶ Свод рецензий // Красный библиотекарь. 1923. № 2–3. С. 32.

«в сокращенном иллюстрированном издании („Красная Новь“, 1923) произведение теряет значительную долю своей художественной ценности. Поэтому рекомендовать роман стоит более или менее подготовленным читателям».³⁷ В тридцатые годы были изданы лишь два произведения Келлермана – «Город Анатоль» и «Девятое ноября».

Вызывали интерес произведения Генриха Манна «Обездоленные» и «Верно подданный». Журнал «Красный библиотекарь» в разделе «Свод рецензий» приводил выдержки из публикаций в газетах и библиографических журналах. Так, например, об «Обездоленных» Манна перепечатывались выдержки из рецензии, опубликованной в газете «Известия» (1923, № 221): «Как немногие в русской литературе, [Г. Манн. – Л. Г.] сумел изобразить класс бедняков, угнетенных и обездоленных – пролетариат – с большой художественной правдой. <...> увлекательная фабула блестяще реализована. <...> Типы Манна живы и яркие, язык прекрасный. Перевод сделан добросовестно. Книге предпослано основательное предисловие Гиммельфарба, развернувшееся в небольшую монографию Г. Манна». «Однако вопреки рекомендациям наибольшим спросом в библиотеках пользовались цикл романов про короля Генриха: «Юность короля Генриха IV» и „Зрелость короля Генриха IV“ в переводе Евгения Садовского, напечатанные в журнале «Интернациональная литература» в 1937 и 1939 годах».

Отношение к творчеству Томаса Манна было сложным, его много ругали. С одной стороны, выходило собрание сочинений, с другой стороны, – жесткие рецензии. Со второй половины тридцатых годов литературная критика становится более позитивной, подчеркивается реализм в творчестве писателя. Во многом это происходит из-за четкой антифашистской позиции писателя. В его произведениях, по мнению одного из критиков, звучит «страстная отповедь ханжеству, постному лицемерию, мистике, религии, идеализму. <...> тонкость литературного анализа сочетается <...> у Томаса Манна с очень широкими, но тем не менее исторически верными, проницательными обобщениями. <...> Блеск ума и литературного таланта <...> сочетается с верой в демократию, в прогресс, в человечество, светлой верой большого гуманиста».³⁸ В библиотеках произведения Томаса Манна пользовались большим спросом у технической и гуманитарной интеллигенции, «интеллигенция в первом поколении» и рабочие знали его меньше.

С начала тридцатых годов становятся чрезвычайно популярными антифашистские произведения и историческая беллетристика Лиона Фейхтвангера, о жизни и творчестве которого много написано известными и популярными в то время журналистами и литературоведами. В 1928 г. вышел роман «Еврей Зюсс», в 1935 г. были опубликованы три романа – «Успех», «Семья Оппенгейм» и «Безобразная герцогиня». Позднее в репертуар чтения русских вошли его романы «Иудейская война» и «Лже-Нерон».

³⁷ Метаниев С. Живая библиография // Красный библиотекарь. 1924. № 7. С. 72.

³⁸ Тарасенков А. Томас Манн как теоретик искусства // Книга и революция. 1939. № 1. С. 103, 105.

В 1929 г. сразу в двух издательствах выходит в свет первый роман Эриха Марии Ремарка «На западном фронте без перемен». Вначале руководители чтения не обратили на него особого внимания и ограничились краткой аннотацией. Роман рекомендовался «вполне подготовленным читателям, привыкшим к чтению серьезной книги со средним образованием». В 1936 г. вышел роман «Возвращение». С тридцатых годов и по сей день Эрих Мария Ремарк – один из наиболее популярных и любимых немецких писателей у русских читателей.

В начале Второй мировой войны отношение к немецкой литературе не перерпело существенных изменений. В 1939–1940-х годах она издавалась много и в хороших переводах. Издание полных собраний сочинений Гёте, Гейне, Шиллера были прерваны только в 1941 г. Большими тиражами выходили произведения Лиона Фейхтвангера, Томаса и Генриха Маннов. После 1941 года количество изданий сокращается по объективным причинам.

И в 1939 и в 1941 годах политика комплектования библиотечных фондов и работа с читателями напрямую зависела от идеологии. Так же, как и в 1914 г., библиотекам отводилось значительное место в работе по разъяснению международной обстановки. Весь многомиллионный фонд библиотек должен был быть использован с одной целью – широкой агитационно-массовой работы и пропаганды знаний, необходимых населению в условиях войны против фашистской Германии. Библиотеки должны были оперативно знакомить население с последними новостями, информировать о передвижении войск, отмечать на карте флажками положение армий, организовывать обслуживание госпиталей и т. д.³⁹

В то же время антинемецкие настроения практически не затронули работы библиотек с художественной литературой. Например, в Ленинградской городской библиотеке в 1939 г. к 180-летию со дня рождения Фридриха Шиллера был подготовлен указатель «Что читать», в 1942 г. в Ташкенте большим тиражом издана поэма Гейне «Германия. Зимняя сказка», активно издавались, в том числе и на языках народов СССР, Лион Фейхтвангер, Вилли Бредель, Анна Зегерс, Бертольт Брехт и другие. В годы войны в театрах провинции шли пьесы немецких писателей – Лессинга, Шиллера, Брехта. Можно сказать, что немецкая литература подвергалась меньшему остракизму, чем в годы Первой мировой войны.

Итак, немецкая литература всегда была представлена во всех российских библиотеках, даже самых небольших. Библиотеки располагали собраниями сочинений и отдельными изданиями лучших немецких писателей, читатели знали и любили немецкую литературу, она всегда присутствовала в репертуаре чтения россиян, особенно детей. Большой любовью пользовались немецкие баллады, легенды, сказки. Русские переводчики подарили россиянам шедевры немецкой культуры. Они настолько органично вошли в культуру русскую, что многие читатели, особенно из народа, не всегда осознавали, кому принадлежит авторство.

³⁹ Литинский А. Международная информация и пропаганда в работе библиотек // Красный библиотекарь. 1939. № 11–12. С. 62.

Мы можем совершенно определенно сказать: никакие политические события не влияли на отношение читателей к книгам немецких писателей. Участие в войне, взаимное ожесточение не сказались на отношении к немецкой литературе и немецким писателям. Даже в годы войны русская читающая публика сумела стать выше националистических чувств и испытывать должный пиетет, как к классикам, так и к писателям-современникам, даже тем, кто прошел фронт, воевал на территории России. И непосредственно после войны и многие годы спустя немецкая литература имела свою читательскую аудиторию. Она была не только украшением общественных публичных библиотек, у российской интеллигенции считалось престижным приобретать для домашних библиотек сказки немецких писателей, произведения Гёте, Гейне, Шиллера. Пользовалась спросом литература, которую сегодня принято в России называть «бестселлерами для интеллектуалов» – произведения Генриха Белля, Германа Гессе, немецкоязычных Франца Кафки, Макса Фриша и др. До сих пор в библиотеках среди немецких авторов абсолютным лидером спроса является Эрих Мария Ремарк. В то же время в магазинах и на полках библиотек была немецкая литература, не вызывающая интереса. Так, например, только несколько авторов ГДР смогли заинтересовать читателей, это – Бруно Апиц, Гюнтер де Бройн, Криста Вольф, Анна Зегерс, Дитер Нолль, Эрвин Штриттматтер.

Парадоксальным, на первый взгляд, был в конце 1980-х годов возврат к чтению немецкой разбойничьей, авантюрной, колониальной прозы – произведений Георга Борна и Карла Майя, Генриха Фольрата Шумахера и Грегора Самарова, того самого «тривиального», «бульварного» чтения. А вот попытка возратить в чтение россиян мелодраматических книг Евгении Марлитт успехом не увенчалась. Она не выдержала жесткой конкуренции американских любовных романов.

В начале XXI века в библиотеках России интерес к немецкой литературе снизился. В 2000–2001 годах в ряде библиотек России проходило наблюдение за чтением немецкой литературы. Мы ставили своей целью узнать, почему практически ушла из чтения немецкая литература, которая занимала такое значительное место в чтении россиян. Однако никакой закономерности в спросе на книги немецких авторов установить невозможно. Немецкая литература, великолепная реалистическая и психологическая проза, всегда воспринимаемая как серьезное чтение, все больше вытесняется детективами и любовными романами, написанными в США. Интерес к немецкой классике, популярным авторам и произведениям XX века, современным писателям сегодня у читателей не очень значителен.

К сожалению, несмотря на все прилагаемые усилия, библиотекари никак не могут переломить ситуацию и вернуть интерес к психологической прозе, творчеству Генриха Белля, Макса Фриша, Фридриха Дюрренматта и других. Почему? Для нас вопрос остается открытым...